

РИЧАРД
ПАЙПС

МОСКОВСКОЕ ЦАРСТВО

«ЦИВИЛИЗАЦИЯ
ОСОБОГО НАЗНАЧЕНИЯ»

Москва
издательство
РОДИНА

УДК 94(47)"1547/721"
ББК 63.3(2)44
П12

Пайпс, Ричард.

П12 Московское царство. «Цивилизация особого назначения» : [перевод с английского] / Ричард Пайпс. — Москва : Родина, 2026. — 320 с.

ISBN 978-5-00269-553-9

Ричард Пайпс (1923—2018) — известный американский учёный, историк, один из ведущих западных специалистов по российской истории, автор нескольких десятков книг о нашей стране. Главной темой его исследований были особенности русской истории, определяемые географией и климатом нашей страны, и в связи с этим — отличия российской цивилизации от западной.

В данной книге описывается становление и развитие Московского царства, которое на протяжении более двухсот лет росло в среднем на 35 000 квадратных километров в год. Как это повлияло — вместе с климатическими и географическими условиями — на политический, экономический и социальный уклады русской жизни, почему российская цивилизация стала «цивилизацией особого назначения»? Р. Пайпс показывает всё это в своей обстоятельной книге, основанной на большом количестве различных источников.

УДК 94(47)"1547/721"
ББК 63.3(2)44

ISBN 978-5-00269-553-9

© Пайпс Р. (Pipes R.), правообладатели
© ООО «Родина», 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

Пришествие русских	6
Особенности русских земель	10
Образование русского государства	32
Русские княжества в период раздробленности	47
Монголо-татарское иго	77
Усиление Московского княжества	84
Образование Московского царства	98
Иван Грозный и опричнина. «Служилые люди»	123
Закрепощение крестьян	137
Боярская Дума, Соборы и Приказы	149
Московское войско	162
Торговля и производство в Московии	172
Православная церковь	206
Петр Великий и «вестернизация»	244
Чиновники. «Институт кормления»	251
Полицейское государство	258
Приложение	289

ПРИШЕСТВИЕ РУССКИХ

Что бы ни писали патристические русские историки, когда Господь сотворял род людской, он поместил россиян отнюдь не в том месте, где они пребывают ныне. В самые ранние времена, по которым у нас имеются какие-либо источники, сердцевина России, — лесистая полоса, в центре которой располагается Москва, — населялась народами финского и литовского происхождения, тогда как в прилегавших к ней с востока и юга районах жили тюркские племена.

Русские впервые мигрировали на эту территорию в конце первого тысячелетия новой эры. До этого они вместе с другими славянами населяли область, границы которой невозможно очертить даже с приблизительной точностью; полагают, однако, что она лежала к северу от Карпат, между Вислой и Одером на западе и нынешней Белоруссией на востоке.

О предистории славян известно немного. Археологический материал, который нельзя связать с какой-либо определенной этнической или даже расовой группой, названия давно сгинувших народностей, попадающиеся в ранних исторических сочинениях и рассказах путешественников, породили изрядное число теорий, однако конкретных свидетельств у нас ничтожно мало. С какой-либо степенью определенности можно утверждать единственно, что в ранний период своей истории славяне были кочевыми скотоводами и объединялись в рода и племена, и что они не знали ни политической, ни во-

*Жильё восточных славян.
Художник Сергей Иванов*

енной организации. С запада и с юга соседями их были готы, а на севере земли их граничили с литовскими.

Venedi или Veneti, о которых упоминают Плиний Старший и Тацит, были, по всей видимости, славянами. Это стародавнее название сохранилось в немецком Wenden, обозначавшем несуществующий больше народ западных славян, и в современном финском слове Venaja, которым финны называют Россию. Говоря о них, иноземцы также использовали имена Antae и Sclaveni. Сами славяне, видимо, звали себя именами «словене» или «словяне», происходившими от «слово» и обозначавшими народы, наделенные даром речи, — в отличие от «немцев» («немых»). Последнее наименование было дано славянами всем прочим европейцам, а в более конкретном смысле относилось к их германским соседям.

Во времена Римской империи славяне жили в Центральной Европе однородной, этнически недифференцированной массой. После падения империи однородность эта стала нарушаться вследствие того, что они оказались захвачены волной переселения народов, вызванной напором азиатских варваров. По всей видимости, миграционное движение славян началось в конце IV в. н. э. вслед за вторжением в Европу гуннов, уничтоживших соседние готские королевства, однако массовый характер переселение обрело лишь в VI в. после наплыва новой волны азиатских пришельцев — аваров.

Вслед за вторжением аваров одна группа славян двинулась на юг, на Балканский полуостров, и остановилась лишь по достижении границ Византии. Другие отправились на восток. Здесь им не противостояло ни политической, ни военной силы, и они распространились компактными группками по всему пространству от Черного моря до Балтийского, по пути покоряя крайне отсталых

финнов и литовцев и поселяясь промеж них. Именно в эту эпоху переселения, то есть между VI и X вв. н. э., распалась пранация славян. Сперва славяне разделились на три крупные территориальные общности (Западных, Южных и Восточных); во втором тысячелетии новой эры они продолжали дробиться дальше — на отдельные народы.

В иных частях славянского мира процесс этот не достиг своего завершения и по сей день.

ОСОБЕННОСТИ РУССКИХ ЗЕМЕЛЬ

Подобно другим славянам, русские в древние времена были пастушеским народом, и, подобно им, поселившись на новых землях, они мало-помалу перешли к земледелию. На их беду области, куда проникли Восточные славяне и где они обосновались, необыкновенно плохо пригодны для земледелия. Коренное финское и тюркское население относилось к нему как к побочному занятию, в лесной зоне устремившись в охоту и рыболовство, а в степной — в скотоводство. Русские поступили по-другому. По всей видимости, сделанный ими упор на земледелие в самых неблагоприятных природных условиях является причиной многих трудностей, которые сопровождают историческое развитие России.

Своеобразное географическое и сезонное распределение осадков является основной причиной; того, что на протяжении того периода русской истории, о котором имеются какие-то свидетельства, в среднем один из трех урожаев оказывается довольно скверным. Однако наиболее серьезные и трудноразрешимые проблемы связаны с тем, что страна расположена далеко на севере. Россия с Канадой являются самыми северными государствами мира. Верно, что современная Россия располагает обширными территориями с почти тропическим климатом (Крым, Кавказ и Туркестан), однако эти земли были приобретены поздно, по большей части в эпоху экспансии империи в середине XIX в.

Колыбель России, та область, которая подобна Бранденбургу у немцев и Илю у французов, находится в зоне смешанных лесов. До середины XVI в. россияне были прикованы к этой области, ибо степями с их драгоценным черноземом владели враждебные тюркские племена. Русские стали проникать в степи во второй половине XVI в., но вполне завладели ими лишь в конце XVIII в., когда они наконец нанесли решающее поражение туркам.

В эпоху становления своего государства они жили между 50 и 60° северной широты. Это приблизительно широта Канады. Проводя параллели между этими двумя странами, следует, однако, иметь ввиду и кое-какие отличия. Подавляющее большинство канадского населения всегда жило в самых южных районах страны, по Великим Озерам и реке Св. Лаврентия, то есть на 45°, что в России соответствует широте Крыма и среднеазиатских степей. Девять десятых населения Канады проживает на расстоянии не более трехсот километров от границы США. К северу от 52-ой параллели в Канаде мало населения и почти нет сельского хозяйства.

Во-вторых, на протяжении всей своей истории Канада имела дружественные отношения со своим более богатым южным соседом, с которым она поддерживала тесные экономические связи (по сей день она получает больше американских капиталовложений, чем любая другая страна). И, наконец, Канаде никогда не приходилось кормить большого населения: те канадцы, которым не находилось работы в народном хозяйстве, имели привычку перебираться на временное или постоянное жительство в США. У России не было ни одного из этих преимуществ: соседи ее не были богаты или дружески расположены, и стране приходилось полагаться на свои собственные ресурсы, чтобы прокормить население, ко-

торое уже в середине XVIII в. превышало население сегодняшней Канады.

Важнейшим следствием местоположения России является чрезвычайная краткость периода, пригодного для сева и уборки урожая. В тайге, вокруг Новгорода и Петербурга он длится всего четыре месяца в году (с середины мая до середины сентября). В центральных областях, около Москвы, он увеличивается до пяти с половиной месяцев (с середины апреля до конца сентября). В степи он продолжается полгода. Остальная часть русского года совсем не хороша для сельскохозяйственных работ, потому что земля делается тверда, как камень, и окутывается толстым снежным покровом.

В Западной Европе, для сравнения, этот период длится восемь-девять месяцев. Иными словами, у западноевропейского крестьянина на 50-100% больше времени на полевые работы, чем у русского. Далее, в тех частях Европы, где теплая зима, зимние месяцы можно использовать для неземледельческих занятий. Экономические и социальные последствия этого простого климатического обстоятельства будут подробнее рассмотрены ниже.

Короткий период полевых работ и спутница его — длинная холодная зима ставят перед русским крестьянином дополнительную трудность. Он должен содержать скот в закрытом помещении на два месяца дольше, чем западноевропейский фермер. Таким образом, скот его не пасется ранней весной, и когда его наконец выпускаю на выпас, он уже изрядно истощен. Русский скот всегда был низкого качества, невзирая на попытки правительства и просвещенных помещиков его улучшить; ввозные западные породы быстро вырождались до такого состояния, что делались совсем неотличимы от довольно жалкой местной разновидности.

Ждут.
Художник Николай Рерих

Сложности, которыми былой чреват разведение крупного рогатого скота, привели к тому, что в лесной зоне не развилось действительно экономичное мясомолочное хозяйство. Они плохо сказались на качестве рабочего скота и вызвали вечный недостаток навоза, особенно на севере, где он нужнее всего.

Следствием плохих почв, ненадежных осадков и короткого периода полевых работ явилась низкая урожайность в России.

* * *

Другой причиной низкой производительности сельского хозяйства России, помимо уже перечисленных природных факторов, было отсутствие рынков сбыта. Здесь, как и в большинстве исторических явлений, причина и следствие в своем взаимодействии влияют друг на друга: причина порождает следствие, однако следствие затем делается самостоятельной силой и, в свою очередь, начинает воздействовать на свою первоначальную причину, трансформируя ее.

Неблагоприятные природные условия привели к низким урожаям; низкие урожаи породили нищету; из-за нищеты не было покупателей на сельскохозяйственные продукты; нехватка покупателей не позволяла поднять урожайность. Конечным результатом всего этого было отсутствие побудительных стимулов к улучшению сельского хозяйства. Разорвать этот порочный круг могло лишь вмешательство каких-то внешних обстоятельств, а именно установление торговых связей с другими странами или крупные научно-технические нововведения.

Очевидно, что сбывать сельскохозяйственные излишки следует не другим крестьянам, а тем, кто сам не производит продуктов питания, иными словами горожа-

нам. При отсутствии городского рынка сбыта излишки зерна мало на что годны, кроме как на перегон в спиртное. Рост урожайности в средневековой Европе первоначально был связан с ростом городов; появление достаточно многочисленного торгово-ремесленного слоя служило стимулом для прогресса земледелия и стало возможным благодаря этому прогрессу. В России же города никогда не играли важной роли в хозяйстве страны и, как ни парадоксально, с течением веков роль эта скорее уменьшалась, чем росла. Еще в конце XVIII в. горожане составляли всего 3% общего населения страны, но и эта цифра может ввести в заблуждение, ибо горожане испокон веку состояли по большей части из помещиков и крестьян, производивших свои собственные продукты питания.

Не могла Россия сбывать зерно и за границей, поскольку до середины XIX в. на него не находилось внешнего рынка, появившегося лишь тогда, когда промышленно развитые страны решили, что ввоз продовольствия обойдется им дешевле его производства. Россия стоит слишком далеко от великих торговых путей, чтобы развитая городская цивилизация сложилась в ней на базе внешней торговли.

Трижды на протяжении своей истории она была втянута в русло международной торговли, и каждый раз результатом этого явился рост городов. Но всякий раз расцвет городской культуры оказывался недолговечным. Впервые это произошло между IX и XI вв., когда вследствие мусульманских завоеваний восточное Средиземноморье оказалось закрытым для христианской торговли, и через Россию пролег удобный короткий путь от Северной Европы до Ближнего Востока. Большинство важнейших городов Руси были основаны в этот период.

Эта торговля пришла к концу около 1200 г., когда путь в Византию перерезали тюркские кочевники.

Второй период русского участия в международной торговле имел место между XIII и XV вв., когда Новгород был одним из важнейших членов Ганзейского союза. Эта связь была порвана Москвой в конце XV в.; с тех пор не прошло и ста лет, как Новгород был до основания разрушен Москвой.

Третий период начался в 1553 г., когда английские купцы открыли морской путь в Россию через Северное море. Развившаяся вслед за тем внешняя торговля снова вызвала оживленный рост городов, на этот раз вдоль дорог и рек, соединявших Москву с Северным морем. Однако эта торговля остановилась в конце XVII в., отчасти из-за того, что под давлением своих собственных купцов российское правительство отобрало у иностранных торговых людей ранее дарованные им привилегии, а отчасти из-за падения западного спроса на русские товары.

Немногочисленные и, за исключением Москвы, многолюдные русские города сделались по преимуществу военными и административными центрами и в таком своем качестве не представляли серьезного рынка для сбыта продовольствия.

* * *

Таким образом, не было экономического стимула, чтобы попытаться восполнить то, чем обидела природа. И российский помещик, и российский крестьянин смотрели на землю как на источник скудного пропитания, а не обогащения. Да и в самом деле, ни одно из крупнейших состояний России не вышло из земледелия. В него вкладывали скромные средства, ибо урожаи получались самые жалкие, а рынок сбыта был крайне узок. Еще на

протяжении большей части XIX в. основным орудием русского пахаря была примитивная соха, которая не переворачивала, а царапала землю (максимальная глубина вспашки составляла 10 сантиметров), однако имела то преимущество, что не требовала большой тяговой силы и работала в десять раз быстрее плуга.

Основной культурой была рожь, предпочтенная благодаря своей выносливости и приспособляемости к северному климату и бедной почве. При том из всех зерновых культур она дает самые низкие урожаи. От XVI до XIX в. земледелие зиждилось по большей части на травопольной системе, при которой третью часть посевной площади постоянно надо было держать под паром, чтобы восстановить плодородие. Система эта была столь неэкономична, что в странах развитого сельского хозяйства, таких как Англия, от нее отказались еще в конце Средних веков. В России вся идея была в том, чтобы выжать из земли как можно больше, вложив в нее как можно меньше времени, труда и средств.

Всякий россиянин стремился отвязаться от земли: крестьянину больше всего хотелось бросить пашню и сделаться коробейником, ремесленником или ростовщиком; деревенскому купцу — пробиться в дворяне; дворянину — перебраться в город или сделать карьеру на правительственной службе.

Общеизвестная «бездородность» русских, отсутствие у них корней, их «бродяжьи» наклонности, столь часто отмечавшиеся западными путешественниками, привыкшими к людям, ищущим своих корней (в земле ли, в общественном ли положении), в основном проистекают из скверного состояния русского земледелия, то есть неспособности главного источника национального богатства — земли — обеспечить приличное существование.

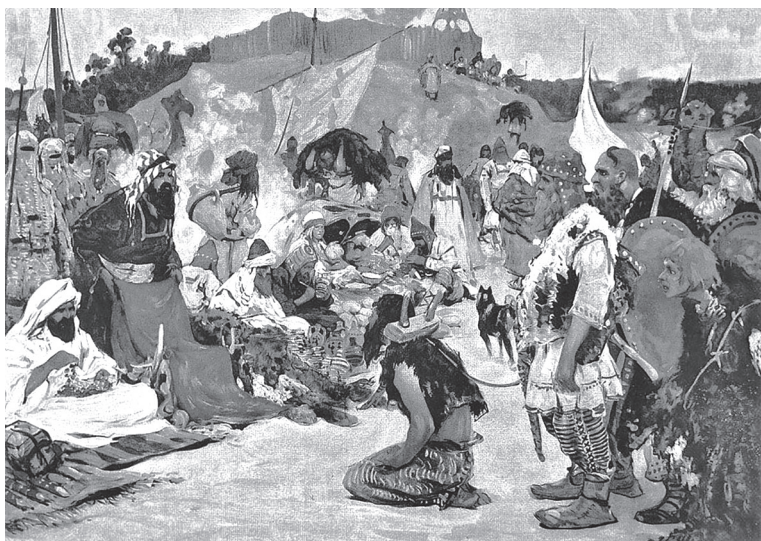
Именно потому, что земля рожала с такой неохотой, и надежда на нее была столь шаткой, россияне всех сословий с незапамятных времен выучились пополнять доход от земледелия всякими промыслами. В своем девственном состоянии лесная полоса России изобиловала неистощимым на первый взгляд количеством дичи: оленями, лосями, медведями и необыкновенным разнообразием пушного зверя, которого промышляли крестьяне, работавшие на князей, помещиков, монастыри и на самих себя. Меда было сколько угодно; не было даже нужды строить ульи, ибо пчелы клали мед в дуплах засохших деревьев. Реки и озера кишели рыбой. Это изобилие дало ранним русским поселенцам возможность жить сносно, не в скудости.

Насколько важную роль играли в российском бюджете лесные промыслы, видно из того обстоятельства, что в XVII в. прибыль от продажи пушнины (в основном иноземным купцам) составляла самое большое поступление в императорскую казну.

Но как ни велико было значение промыслов, они не могли служить основой народного хозяйства, которое, в конечном итоге, зиждилось на земледелии. Быстрое истощение почвы, к которому вело российское сельское хозяйство, понуждало крестьянина вечно перебираться с места на место в поисках целины или залежных земель, восстановивших плодородие длительным отдыхом. Даже если бы население страны оставалось неизменным, в России всегда происходила бы необыкновенно живая крестьянская миграция. Бурный рост населения в Новое время в большой степени поощрял эту тенденцию.

* * *

Насколько можно судить по несовершенным демографическим источникам, до середины XVIII в. насе-

*Торг у восточных славян.
Художник Сергей. Иванов*

ление России оставалось относительно небольшим. По максимальным подсчетам, оно составляло 9-10 миллионов человек в середине XVI в. и 11-12 миллионов — в его конце; согласно более сдержанной оценке, оно равнялось, соответственно, 6 и 8 миллионам.

Несмотря на малую численность населения, русский крестьянин оставлял позади себя истощенную почву и рвался все дальше и дальше в поисках земель, которых не касалась еще человеческая рука. Колонизация является настолько основополагающей чертой российской жизни, что Ключевский видел в ней самую суть бытия России: «История России, — писал он в начале своего знаменитого «Курса русской истории», — есть история страны, которая колонизируется».

До половины XVI в. русская колонизация по необходимости ограничивалась западными областями лесной зоны. Попытки внедриться в черноземную полосу неизменно наталкивались на непреодолимый отпор. Чернозем лежал в степях с их тучными пастбищами, и тюркские кочевники, основным занятием которых было скотоводство, уничтожали все создававшиеся там земледельческие поселения. Путь на восток, в Сибирь, сперва преграждался Золотой Ордой, а после ее распада в XV в. ее преемниками — Казанским и Астраханским ханствами.

Единственная область, открытая для русской колонизации в первые пять-шесть столетий российской истории, лежала далеко на севере. Колонисты, шагая за монастырями, иногда и в самом деле забирались в районы к северу от верховьев Волги, однако этот неприветливый край не мог принять сколько-нибудь значительного населения.

Коренной поворот в истории российской колонизации произошел в 1552-1556 гг. с покорением Казанского

и Астраханского ханств. Русские поселенцы немедленно устремились в сторону средней Волги, изгоняя с лучших земель коренное тюркское население. Другие шли еще дальше, перебирались через «Камень», как они называли Уральские горы, в южную Сибирь, где лежали обширные полосы девственного чернозема. Однако основной поток переселенцев и тогда, и впоследствии двигался в южном и юго-восточном направлениях в сторону так называемой Центральной черноземной полосы.

В 1570-х гг. правительство обставило степь цепью острогов, протянувшейся от Донца до Иртыша, и под ее защитой крестьяне осмелились вторгнуться в области, бывшие доселе вотчиной кочевников. Раз начавшись, переселение это катилось дальше со стихийным, напором. Всякое крупное экономическое или политическое потрясение в центре России приводило к новому всплеску переселения. В этом колонизационном движении когда крестьянин шел впереди правительства, когда оно прокладывало ему дорогу, но рано или поздно им суждено было сойтись и соединиться. Одной из основных причин той цепкости, с которой русским всегда удавалось удерживать завоеванные территории, было то обстоятельство, что политическое освоение у них сопровождалось и по сей день сопровождается колонизацией.

Подсчитано, что на протяжении XVII и XVIII вв. более двух миллионов переселенцев перебрались из центральных областей России на юг, проникнув сперва в лесостепь, а потом и в собственно степь. За эти два столетия около 400 тысяч человек переселились также в Сибирь.

Самая мощная миграционная волна захлестнула черноземную полосу после 1783 г., когда Россия аннексировала Крым и покорила местное население, которое века-

ми терзало русские поселения набегами. В XIX — начале XX в. 12-13 миллионов переселенцев, в основном уроженцев центральных губерний, перебрались на юг, и еще четыре с половиной — пять миллионов мигрировали в южную Сибирь и среднеазиатские степи. В ходе последнего передвижения коренное азиатское население массами сгонялось со своих родовых пастбищ.

* * *

Природа, на первый взгляд, предназначила России быть раздробленной страной, составленной из множества независимых самоуправляющихся общностей. Все здесь восстает против государственности: бедность почвы, отдаленность от великих путей мировой торговли, низкая плотность и высокая подвижность населения. И Россия вполне могла бы оставаться раздробленной страной, содержащей множество разрозненных местных политических центров, не будь геополитических факторов, настоятельно требовавших сильной политической власти.

Экстенсивный, крайне расточительный характер русского земледелия и вечная потребность в новых землях вместо полей, истощенных непомерной вспашкой и скудным унавоживанием, бесконечно гнали русских вперед. Пока процесс колонизации ограничивался тайгой, он мог идти стихийно и без военного прикрытия. Однако желанные тучные земли лежали в степях, в руках у кочевых тюркских и монгольских племен, которые не только не терпели земледельческих поселений на своих пастбищах, но и совершали то и дело набеги на лес в поисках невольников и иной добычи. До конца XVIII в., когда, благодаря своей лучшей политической и военной организации, русские наконец взяли верх, мало кто из них